

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЗЕ Б.В. ШЕРГИНА

Комкова Нина Илькамовна

Кандидат филологических наук, доцент, Тульский институт управления и бизнеса им. Н.Д. Демидова
lingvo__2012@mail.ru

REPRESENTATIVE FEATURES OF OCCASIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN PROSE OF BORIS SHERGIN

N. Komkova

Summary: The article is devoted to the study of representative features of occasional phrasemicon of Boris Shergin. Based on the material of stories from different years, differential groups of phraseological derivatives, methods of formation and the influence of the peculiarities of their formation on the prose language of the writer are revealed.

Keywords: literary text, the language of prose of Boris Shergin, phraseological derivatives, occasionalisms, author's intentions.

Аннотация: Статья посвящена изучению репрезентативных особенностей окказионального фраземикона Б.В. Шергина. На материале рассказов разных лет выявлены дифференциальные группы фразеологических дериватов, способы образования и влияние особенностей их формирования на язык прозы писателя.

Ключевые слова: художественный текст, язык прозы Б.В. Шергина, фразеологические дериваты, окказионализмы, авторские интенции.

Для языка российских авторов характерны не просто окказиональные слова, но и окказиональные словосочетания и фразеологизмы неиссякаемый источник пополнения фразеологического состава русского языка. Лингвистическая ценность авторской фразеологии заключается прежде всего в её рассмотрении как дополнительного источника расширения словарного запаса языка [13], то есть литературного текста подчиняется общим законам языковой динамики в порождении новых устойчивых единиц. Как писал Б.А. Ларин, «путь мысли от частного к общему отражается в языке созданием метафорических, образно-иносказательных выражений, а дальше – отвлеченно-типичных формул и условно-символических обозначений. Иными словами, создание фразеологических словосочетаний неотъемлемо присуще историческому развитию, обогащению и совершенствованию языка» [6]. Окказиональные фразеологизмы представляют собой совокупность словесного творчества писателя и этноса его прозы [7], как в пределах его произведений», так и текстового пространства художественной произведений, следовательно, достаточно надёжным маркером окказиональности тех или иных выражений в языке Б.В. Шергина может служить отсутствие их, во-первых, в словарях поморского говора (Подвысоцкий 1885 [12]; Меркурьев 1979 [8]; Шергин 1984 [14]; Архангельский областной словарь 1996–2019 [1]; Гемп 2004 [2]; Моисеев 2005 [9]; Дуров 2011 [4]), а во-вторых, в двух самых масштабных по содержанию фразеологических справочниках «Большой словарь русских поговорок» (2008) В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (свыше 40000 образных выражений из всех известных на сегодняшний день словарных источников фразеологии русского языка) (Мокиенко, Никитина 2008), а также

«Большой словарь русских народных сравнений» (2008) В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (более 45000 образных выражений) (Мокиенко, Никитина 2008).

Фразеологизация прозы Б.В. Шергина в составе поморской фразеологии автора не следует квалифицировать, на наш взгляд, как собственно окказиональное, поскольку на практике весьма трудно однозначно разграничить в речи носителя живой поморской речи, где заканчивается поморский говор и где начинаются индивидуально-авторские инновации. В таком случае к собственно окказиональным относятся те фразеологические окказионализмы, которые, во-первых, не квалифицированы самим писателем как «поморские», во-вторых, не восходят к фразеологии «поморской говора», в-третьих, не связаны с поморским говором своим компонентным составом, в-четвёртых, не отражают своими прототипами или фоновой семантикой особенности истории и культуры Русского Севера, духовных ценностей и мировосприятия севернорусских поморов.

Окказиональная фразеология Б.В. Шергина дифференцируется на две большие группы по характеру своего образования: 1) собственно авторские выражения, т.е. первичные, не связанные деривационными отношениями с узальными фразеологизмами; 2) окказиональные фразеологические дериваты, т.е. вторичные, образованные на основе тех или иных общеязыковых оборотов.

Собственно авторские выражения – сверхсловные окказиональные образования заведомо осмысленного создания автором новых образных выражений для определённых эстетических целей. Собственно автор-

ские фразеологизмы могут соотноситься с узуальными фразеологизмами отдельными компонентами, образами, но не связаны с ними отношениями деривационной мотивации: «Опять **часы дошли**, и кроткая вода понесла нас вниз, попутные воде летние ветры управили карбас на середину моря («Кроткая вода»), где оборот *часы дошли* – “время пришло”»; «К рукописной литературе Севера я никогда не подходил как историк-исследователь. Я **не на том коне ехал**» («Запечатленная слава»), где оборот *не на том коне ехать* – «делать не то, что нужно, что обычно требуется», ср. сидеть на том коне – «заниматься привычным делом» [11]; «Мужики-поморы в свободный час тоже запоют. Выйдет к океану человек сорок этаких бородачей, повалятся на утёс, зложат руки за голову и **подымут на голоса** песню богатырскую...» («Мурманские зуйки»), где *поднять на голоса* – «громко запеть, затянуть какую-либо песню»; «Рассказы Анкудинова о морской старине, взятые из морского писания, звучали совершенно так же, как его былины и сказания. Но дух истории, **как старое вино, благоухал** в рассказах Пафнутия Анкудинова» («Запечатленная слава»), где *благоухать, как старое вино* – «о чём-либо приятном, имеющем давнюю историю»; «Архангельск стоит на высокоом наволоке, смотрит лицом на морские острова. Двина под городом широка и глубока – океанские трёхтрубные пароходы ходят взад и вперёд, поворачиваются и причаливают к пристаням **без всякой кручины**» («Двинская земля»), где *без кручины* – «легко, свободно (делать что-либо)»; «Насколько Аннушка была домоседлива и скромна, настолько замужняя её сестра – модница и любительница ходить по гостям. Возвратясь однажды с вечера, рассказывает: – Лансье сегодня танцевала с некоторым мурманским штурманом. Борода русая, круговая, волосы на прямой пробор. Щеголь... – Машка, ты это к чему? – К тому, что он **каждое слово** Анной Ивановной закроет...» («Детство в Архангельске»), где *каждое слово закрыть* – «часто упоминать кого-либо, что-либо (в разговоре» [10]) и т.д.

Часто собственно авторские выражения повторяются в текстах произведений писателя (одном или нескольких). Воспроизводимые авторские выражения можно квалифицировать как идиолектные клише: «Зимой Максим Осипович хвалился перед приятелями: – ...И начну ему сказывать от книг, от старых, что помню. – А он что, губернатор? – осведомляются слушатели. – Он на ус мотает. Вот увидите, друзья, и наше сказанье попадёт в писанье» («Запечатленная слава»); «Но в печатном издании первоисточники не названы. Опять, значит, если **“наше сказанье и попало в писанье”**, то без помину запечатлено, скрыто в литературном изложении» («Запечатленная слава»), где оборот *наше сказанье попадёт в писанье* – «что-либо известное немногим станет общеизвестным, выйдет из забвения» [11] и т.д.

Окказиональные фразеологические дериваты диф-

ференцируются по способу своего образования на несколько разновидностей: образованные по аналогии с узуальными устойчивыми оборотами; в результате семантической деривации (расширения значения) узуального фразеологизма; в результате видоизменения формы узуального устойчивого оборота; при выделении из состава более сложной устойчивой единицы, путём контаминации нескольких узуальных фразеологических единиц и т.д.

Окказиональные фразеологизмы, образованные по аналогии с узуальными, наиболее часто встречаются в прозе Б.В. Шергина, поскольку, по словам В.М. Мокиенко, «чем понятнее образ, лежащий в основе фразеологизма, тем активнее может производиться такая единица по модели» [10]. Такая структурно-семантическая аналогия окказионального оборота узуальному может быть как полная (когда новое выражение, образованное по модели уже широко употребительного, синонимично ему), так и неполная (когда новое выражение не синонимично тому устойчивому обороту, по модели которого было образовано): «Саня **ни праха** не дозволил Анисе с собой взять: – Оставь куфману эти часики да браслетки, шляпки да гаржетки. В Архангельске я у корабельного строения кряду работу добуду» («Аниса»), где *ни праха* в значении «ничего» образовано по модели *ни грамма* – «нисколько, абсолютно ничего» (Мокиенко Никитина 2008, с. 160); «Ростят себе отец с матерью сына – при жизни на потеху, при старости на замену, а сверстные принимаем его в совет и дружбу, живём с ним дума в думу» («Двинская земля»), где выражение *дума в думу* образовано по структурно-семантической модели синонимичного ему *душа в душу* – «(разг.) дружно, в полном согласии (жить, прожить» [10])» и т.д.

Как узуальные аналоги окказиональных дериватов в прозе Б.В. Шергина выступают и крылатые выражения, в том числе из фольклорных текстов: «Саня **ни праха** не дозволил Анисе с собой взять: – Оставь куфману эти **часики да браслетки, шляпки да гаржетки**. В Архангельске я у корабельного строения кряду работу добуду» («Аниса»), где образное перечисление *часики да браслетки, шляпки да гаржетки* образовано по аналогии со строкой широко известной в 1920–1930 гг. в разных вариантах, в том числе эстрадном, песни «Мурка», ставшей позднее неофициальным гимном криминальной среды, а вне её считавшейся поистине «народной», автором стихов которой, однако, как предполагают, был известный в своё время одесский поэт Яков Ядов: «Слушай, в чем же дело? Что ты не имела? / Разве я тебя не одевал? / Кольца и браслеты, юбки и жакеты, / Разве я тебе не добывал?» и т.д.

Окказиональные фразеологизмы, образованные в результате семантической деривации (расширения значения): «Ударит на море погода, и морская пучина ревёт и грозит, зовёт и рыдает. Начнёт море кораблём, **как мя-**

чом, играть, а в корабле – друг наш, материна жизнь...» («Двинская земля»), где *играть* как мячом в значении «бросать что-либо в разные стороны с огромной силой» образовано от играть как мячом (кем) – «(неодобр.) о чьём-либо безответственном, небрежном и пренебрежительном манипулировании кем-либо» [11], также ср.: играть (чьей) судьбой как мячом – «(неодобр.) о чьём-либо безответственном манипулировании чьей-либо судьбой, волей, желаниями» [11]; «А в домах у нас тепло! Хотя на дворе ветер, или туман, или дождь, или снег, или тлящий мороз, – дома всё **красное лето!**» («Двинская земля»), где оборот *красное лето* в значении «тепло» образован от широко распространённого выражения *красное лето*, восходящего к устному народному творчеству и употребляемого в прямом значении и т.д.

Окказиональные фразеологизмы, образованные в результате видоизменения формы узуальной фразеологической единицы: «Ударит на море погода, и морская пучина ревёт и грозит, зовёт и рыдает. Начнёт море кораблём, как мячом, играть, а в корабле – друг наш, материна жизнь... О, какая тьма нападёт на них, **тьма бездонная!** О, коль тяжко и горько, печали и тоски не сказанной исполнено человеку водою конец принимать! Тот час многостонен и безутешен, там – увы, увы! – вопиют, и нет помогающего...» («Двинская земля»), где оборот *тьма бездонная* образован от синонимичного *тьма* египетская – «(книжн.) беспросветная угрожающая тьма» [10]; 2.4. Окказиональные ФЕ, образованные в результате выделения из состава более сложного устойчивого выражения, как правило, из компонентного состава паремиологических единиц – пословиц, народных примет, поверий, деловых изречений и др.: «В листопад придут в город кемские поморы, покроют реку кораблями. Утром, не успеет кошка умыться, к нам гости наехали» («Детство в Архангельске»), где оборот не успеет кошка умыться в значении «неожиданно (о появлении гостей в доме)» образован в результате его выделения из состава народного поверья [Комкова 2020, с.144], ср.: Кошка лапкой умывается – гости в дом собираются и т.д.

Окказиональные фразеологические единицы, образованные в результате контаминации нескольких узуальных устойчивых единиц: «Придёт зима и уйдёт. Разольются вешние воды. А друга нашего всё нету да нету. И не знаем, быть ему или не быть. Мать-та **мрёт душою** и телом, и мы глаз не сводим с морской широты» («Двинская земля»), где выражение *мрёт душою* и телом образовано в результате слияния фразеологизмов *душа мрёт* (у кого) – «о чувстве тоски, беспокойства» [10] и *душой и телом* – «(разг.) целиком, полностью, всем существом (сочувствовать кому-либо)» [10]. К окказиональным фразеологизмам в художественной прозе Б.В. Шергина можно отнести и индивидуально-авторские перефразирования узуальных фразеологических единиц, однако только в том случае, когда такое перефразирование идиостили-

стически обусловлено, т.е. выполняет такую эстетическую задачу в литературном произведении, которая характеризует целиком идиостиль автора: «А счастливым молодожёнам как-то вдруг стало не до смеху. Им письма обидны заподкидывали, сторонни люди нахально заощерялись... Санька брови хмурит: – Довольно, Аниса, по **ножевому острею ходить**. На волоске повисла наша хитрость» («Аниса»), (где по *ножевому острею ходить* – трансформация фразеологизма *ходить по острию ножа* – «(разг.) рисковать, делать что-либо предельно опасное» [10] с целью придать широко употребительному в современном русском языке разговорному обороту выраженный привкус просторечия, характерный для идиостиля Б.В. Шергина.

Собственно авторские выражения используются Б.В. Шергиным также и в функции заглавий рассказов, становятся частью целой истории, настолько «важной и узнаваемой в жизни поморов» [3], что она придаёт таким выражениям статус прецедентных единиц. Так, в рассказе «Рядниковы рукавицы» широко известный герой художественной прозы писателя Маркел Ушаков рассказывает об игумене, который берёт рукавицы «некоторого Рядника-мореходца» как символ «морского знания», владения мастерством истинного корабельщика, как оберег для мореходов от всех многочисленных бед и напастей, подстерегающих их в открытом море. В контексте жизни поморов эта история приобретает статус притчи, текст которой становится прецедентным, а его поучительное содержание концентрируется в одном выражении, приобретающем потенциальный характер крылатой единицы. Это выражение используется в тексте произведения не только для придания его сюжету художественной образности, но и для обозначения предмета, который обладает статусом исключительно важного, наделённого особой властью, беспрекословно почитаемого поморами: «К Маркелу в избу входят трое каянских грабёжников. Двое захватили его за руки, третий стал снашивать в лодку хлебы, рыбу и одежду. Маркел стоит: его держат эти двое. Наконец третий, оглядев стены, снял с гвоздя заветные **Рядниковы рукавицы**. Маркел говорит: – Это нельзя! Повесь на место! Тот и ухом не ведёт. Тогда Маркел потрянул руками, и оба каянца полетели в разные углы... Сам выскочил в сени, прижал двери колом... А в лодке ещё трое каянцев... Один выскочил из лодки и бежит к свеям на помощь. С ним Маркел затеял драку, чтобы не подпустить к избе... Показался русский карбас с народом. В свалке один грабёжник утонул. Пятеро попали в плен. За такие заслуги Маркелу с честью воротили чин судостроителя» («Рядниковы рукавицы»). Так Рядниковы рукавицы «помогли» Маркелу не только победить грабителей, но и вернуть почётную должность, утраченную им в результате «баталии с соловецкими иноками». Собственно авторское выражение употребляется в тексте рассказа с заглавной буквы, что не только говорит об исключительной значимости обозначаемого

им предмета, но и характеризует выражение как прецедентное, соотносимое с содержанием прецедентного текста – «Притчи о Рядниковых рукавицах» [5].

Таким образом, окказиональные фразеологизмы в художественной прозе Б.В. Шергина являются органич-

ной частью её фразеологического пространства, делают её узнаваемой благодаря особенностям своего образования и употребления в тексте, характеризуют язык и идиостиль писателя как уникальный не только в рамках Северного текста русской литературы, но и в ряду её классических произведений XIX и XX столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский областной словарь: вып. 1–19 / под ред. О.Г. Гецово́й. – М: Изд-во Московского ун-та. 1996–2019.
2. Гемп К.П. Словарь поморских речений / К.П. Гемп // Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / К.П. Гемп. – 2-е изд., доп. – М.: Наука; Архангельск: Поморский ун-т. 2004. С. 275–568.
3. Горелов А.А. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина / А.А. Горелов // Повести и рассказы / Б. Шергин. – Л.: Лениздат. 1984. С. 3–9.
4. Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И.М. Дуров. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 2011. 453 с.
5. Комкова Н.И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б.В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Комкова. – М: 2021. 217 с.
6. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкознание: учеб. пособие / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение. 1977. С. 125–149.
7. Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.
8. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов / И.С. Меркурьев; науч. ред. Б.Л. Богородский. – Мурманск: Книжное изд-во, 1979. 184 с.
9. Моисеев И.И. Поморська говоря: краткий словарь поморского языка / И.И. Моисеев. – Архангельск: Поморское Возрождение. 2005. 138 с.
10. Мокиенко В.М. Большой словарь русских народных сравнений: большой объяснительный словарь: более 45000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2008. 798 с.
11. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2008. 783 с.
12. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречья в его бытовом и этнографическом применении / собралъ на мѣсть и составилъ А. Подвысоцкий. – СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ. 1885. 197 с.
13. Сычева Е.Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и в составе фразеологических единиц / Е.Н. Сычева // Вестник Брянского гос. ун-та. 2012. № 2 (1). С. 289–293.
14. Шергин Б.В. Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий / Б.В. Шергин // Шергин, Б.В. Повести и рассказы; [послел. Ю.М. Шульман]. – Л.: Лениздат. 1984. С. 464–476.

© Комкова Нина Илькамовна (lingvo__2012@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»